Марфа крестьянская дочь

Жил-был старик со старухой. У них была одна дочь. Они остарели, отец заболел и помер. Помер, они пошли с матерью хоронить. Идут с похорон, попадается старичок навстречу; «Девушка, — говорит, — у тебя сегодня горе, завтра вдвое».

Пришла домой, у нее мать заболела и померла. Вот похоронила мать, идет с похорон, и опять тот старичок навстречу: «Девушка, девушка, — говорит, — у тебя сегодня горе, завтра вдвое будет».

Что, думает, за горе еще? Уж отца похоронила, мать похоронила... Легла она спать, а ночью пробудилась — мужик у нее на месте, и не смела пошевелиться, и ночь проспала, и утром смотрит: и нет никого. И пошла днем к бабушке-задворенке спрашивать: «Что это вот беда за такая? Я ночь поспала, пробудилась, а на месте какой-то мужик лежит, так что тако?» А бабушка-задворенка и говорит, что если придет сегодня, повалится спать, так достань огоничка, погляди, есть ли крест на вороти, а если нет — так какой нечистый ходит.

Вот на другую ночь повалилась спать — он приходит опять. Она стала огня доставать, плоточкой да кремешком бить, и отскочила искорка, и у него на голове сгорели, три волосины: одна золота, друга серебряна, третья медна. Он пробудился и говорит: «Ну, Марфа крестьянская дочь, не умела со мной последнюю ночь проспать, не видать больше мне тебя, а тебе меня!»

И ушел.

Она днем пошла к бабушке. «Вот, — говорит, — бабушка, ты мне сказала достать огничка, я доставала, и отскочила искорка, сгорели у него на голове три волосины, одна золота, друга серебряна, третья медна. И он сказал: «Ну, Марфа крестьянская дочь, не сумела со мной последнюю ночь проспать, не видать больше мне тебя, а тебе меня».

И пошла она в кузню и сковала трое лаптей железных, три посоха железных, три шляпы железны, три просворы железны, оделась, одну просвору в зубы взяла и пошла.

Шла, шла, шла — стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке. «Избушка, избушка, повернись к лесу глазами, ко мне воротами, чтобы мне, дорожному человеку, зайти и выйти!» Избушка повернулась к лесу глазами, а к ней воротами, она зашла. Там сидит одна старушка — языком в печи пашет, губами горшки отнимает. Говорит: «Что ты, девушка, зашла? Куда идешь, куда путь держишь? Здесь не то что крещеный человек захаживал, черный ворон не залетывал!» Потом сама себя по щеке ударила, по другой приправила: «Ох, я, старая плёха, не накормила, не напоила, стала вести выспрашивать!»

Накормила, напоила, спать уложила и стала вести выспрашивать: «Куда, — говорит, — тебя, девушка, бог понес? Волей-неволей али своей охотой?»

Вот она все рассказала, как отца-мать похоронила, как старичок ей навстречу попадал и что говорил, и как у нее на месте мужик очутился, и как она к бабушке-задворенке ходила, и как огничек высекала, и как спалила три волосины: одну золоту, другу серебряну, третью медну, и как он сказал: «Ну, Марфа крестьянская дочь, не видать больше мне тебя, а тебе меня». Ей эта старушка говорит: «Ох, — говорит, — девушка! Иван-царевич — мой племянник. Он сюда в три года один раз приезжает. А теперь ему долго не бывать». Накормила, напоила, дала ей цепочку золотую и отправила по дороге. «Вот пойдешь и там найдешь другую избушку, там моя сестра живет, она тебе поможет».

Вот Марфа крестьянская дочь взяла другой посох в руки, надела другу шляпу, вторы лапти железны, втору просвору в зубы изяла и пошла. Шла-шла, шла-шла и пришла: избушка на курьей ножке, на петушьей головке. Она говорит: «Избушка, избушка, стань к лесу глазами, ко мне воротами, чтобы мне, дорожному человеку, зайти и выйти!»

Избушка повернулась к лесу глазами, к ней воротами, она зашла; там сидит старушка — языком в печи пашет, губами горшки отнимает, в зубах шелковый пояс плетет. Говорит: «Что ты, девушка, зашла? Куда идешь, куда путь дерясишь? Здесь черный ворон не пролетывал, не то что русский человек прохаживал!» Пригласила ее, а потом сама себя по щеке ударила, по другой приправила: «Ох, я, — говорит, — дура, плёха, дорожного человека не напоила, не накормила, стала вести выспрашивать!»

Напоила, накормила, спать уложила, стала вести выспраши вать. «Куда, — говорит, — тебя бог несет? Волей али неволей, али своей охотой?» Она говорит: «Волей-неволей, а более своей охотой».

Уж никто не посылал, сама идет. Она и ей рассказала, как отца-мать похоронила, как старичок ей навстречу попадал, как Иван-царевич приходил, как она сожгла три волосины: одну зо лоту, другу серебряну, третью медну, как он сказал: «Ну, Марфа крестьянская дочь, не видать будет больше мне тебя, а тебе меня». Старушка ей говорит: «Он мой племянник, сюда в два года раз приезжает, а теперь его долго не будет».

Ночку ночевала, наутро встала, старушку поблагодарила, и та ее дальше отправила, к третьей сестре, и рассказала: «У Ягой Бабы царский сын украденный, и живут они в чистом поле, сорок молодцев, все наворованы, все русские дети». И дала ей перстень. «Вот пойдешь, — говорит, — там найдешь другую избушку, там наша третья сестра живет. Она тебе поможет».

Вот Марфа крестьянская дочь взяла третий посох в руки, третью шляпу на голову, третьи лапти железны обула, третью просвору железну в зубы взяла. И вот она шла, шла, стал третий посох приламываться, третья шляпа прогнаиваться, третьи лапти протаптываться, третья просвора железна прогрызаться. И стоит избушка на курьей ножке, на петушьей головке. Она заговорила: «Избушка, избушка, стань к лесу глазами, ко мне воротами, чтобы мне, дорожному человеку, зайти и выйти!»

Избушка повернулась, она зашла в избушку, опять сидит старушка — языком в печи пашет, губами горшки отнимает, в зубах шелковый пояс плетет. Опять заговорила: «Куда тебя, девица, бог понес? Здесь черный ворон не пролетывал, не то что русский человек прохаживал!» Потом сама себя по щеке ударила, по другой приправила: «Ох, я, — говорит, — старая плёха, дорожного человека не напоила, не накормила, стала вести выспрашивать!»

Напоила, накормила, спать уложила, стала вести выспрашивать: «Куда, девица, идешь? Куда путь держишь? Волей-неволей али своей охотой?» — «А, волей-неволей, а более своей охотой!»

Вот она ей стала рассказывать, как приходил Иван-царевич да как сожгла три волосины: одну золоту, другу серебряну, третью медну: «Бабушка-задворенка меня научила доставать огня, я стала бить по кремешку, и отлетела искорка, и спалила три волосины, и он пробудился и сказал: «Марфа крестьянская дочь, не видать будет больше мне тебя, а тебе меня». — «Иван-царевич, — говорит, — мой племянник. Он здесь, в чистом поле, живет. Ладно, — говорит, — ночуй, завтра пойдешь».

Ночку ночевали, наутро встали, старушка отдала ей крест и рассказала: «Иван-царевич у Ягой Бабы украденный, и живут они в чистом поле, сорок молодцев. Все наворованы у Ягой Бабы. Вот они днем бегают серыми волками, а ночью развернутся добрыми молодцами. Их сорок живет в одном доме. И ты в запечку ухоронись, чтобы они тебя не видели».

Она так и сделала, как бабушка велела. И пошла в поле, и зашла в пустой дом, и ухоронилась. И вот топотня, топотня, бегут сорок волков, и стали развертываться кругом столба по солнышку, и развернулись, и очутились все добрыми молодцами, что ни в сказке сказать, ни пером описать; а она стоит в запечье.

Вот пришли все в избу и стали есть. Все пьют, и едят, и кушают, а он сидит — не пьет, не ест, не кушает. Они его спрашивают: «Что, Иван-царевич, не пьешь, не ешь, не кушаешь?» А он говорит: «Жаль, жаль батюшку, жаль, жаль матушку, а всего жальчей молоду жену!» — «Да будет тебе, — говорят, — жен-то найдешь себе!»

Вот все напились, наелись, спать пошли. Все заспали, захрапели, а он все не спит, не спит, коверкается, потом уж заспал. А ее бабушка научила: «Ты возьми эти крест, да цепочку, да перстень и подойди к нему, и побренчи, и говори: «Иван-царевич, встань-пробудись, я до тебя доступала, я до тебя доходила, трои шляпы железны изгнаивала, трои посоха изламывала, трои просворы изгрызала, трои лапти истаптывала, все до тебя доступала, все до тебя доходила». А как он станет шевелиться — и ты отходи от него».

И вот она сказала и ушла. И он наутро встал и говорит: «Я сегодня во сне свою жену видел». А эти молодцы опять говорят: «Что тебе жена, жен-то найдешь того больше».

И вот они попили, поели и кругом столба все овернулись против солнышка, и все они волками очутились, и все в чисто поле побежали, опять на день бегать. Она опять день у бабушки просидела, опять заприходила и стала в запечек. Опять вечер пришел. Они бежат, бежат, стали развертываться кругом столба по солнышку и развернулись добрыми молодцами, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Опять пришли в избу, опять стали пить, есть, кушать. Опять все пьют, и едят, и кушают, а он не пьет, не ест, не кушает. Они его спрашивают: «Да что тебе?» «Я видел свою жену во сне». И эти молодцы опять говорят: «Да что тебе жена? Жен-то найдешь еще!»

Все повалились спать, а ему не спится, не лежится, подушечка в головах вертится, дума думается. Опять заспали все, захрапели, опять он заспал. И она вышла из-за печи, и взяла эти крест, да цепочку, да перстень, и подошла, и стала побрякивать, и говорит: «Иван-царевич, встань-пробудись, я до тебя доступа ла, я до тебя доходила, трои шляпы железны изгнаивала, трои посохи изламывала, трои просворы изгрызала, трои лапти истаптывала, все до тебя доступала, все до тебя доходила».

Иван-царевич маленько стал пошевеливаться, она и ушла прочь, к бабушке-задворенке.

Опять они пробудились, попили, поели, а он опять говорит: «Я сегодня во сне свою жену видел». А эти молодцы говорят: «Да что ты стал каждую ночь видеть свою жену?»

Все вышли, овернулись против солнышка, и все опять волками очутились. И побежали в чисто поле черными волками. Она опять ушла к бабушке и там пробыла. И последняя, третья, ночь приходит. И вот бабушка говорит: «В эту ночь, когда он станет шевелиться, и ты его побуди еще, и бегите; сколько сил есть, столько и бегите. И приворотите ко мне».

Она и пошла, опять стала в запечек. Гром-шум, бегут сорок волков. У столба стали овертываться. Очутились добры молодцы. Опять сели пить-есть. Все пьют, и едят, и кушают, а он сидит не пьет, не ест, не кушает. «Что ты не пьешь, не ешь?» — «Видел во сне свою жену опять». И эти молодцы: «Что тебе каждую ночь жена снится?»

Вот все повалились засыпать, заспали, захрапели, она опять к нему подошла и говорит: «Иван-царевич, встань-пробудись, я до тебя доходила, я до тебя доступала, трои шляпы железны изгнаивала, трои посохи изламывала, трои просворы изгрызала, трои лапти истаптывала, все до тебя доступала, все до тебя доходила». Иван-царевич пробудился. Пробудился, и вот потихоньку встали и пошли, и добежали до этой бабушки-задворенки, и эта тетушка дала ей плоточку и говорит: «Как эта Яга-Баба станет доставать вас, так бросьте эту плоточку назад себя и скажите, что стань, гора каменна, от земли и до неба, от востока и до запада, чтобы Ягой Бабе ни пройти, ни проехать!»

И они побежали вперед. Тут маленько вздохнули, и до другой бабушки приворотили отдохнуть. Друга их напоила, накормила и дала им кремешок и говорит: «Как Яга-Баба станет вас доставать, так бросьте этот кремешок

назад и скажите: «Станьте, леса темные, от земли и до неба, от востока и до запада, чтобы Ягой Бабе ни пройти, ни проехать».

И до третьей тетушки добежали. И третья им дала огнивце и сказала: «Если эта Яга-Баба станет вас доставать, так бросьте назад себя и скажите: «Разлейся, река огненна, от земли и до неба, от востока и до запада, чтобы Ягой Бабе ни пройти, ни проехать». И вы тогда убежите от нее».

И вот они так и сделали, и все кидали позадь себя. И кинули плоточку, и стала гора каменна, Ягой Бабе ни пройти, ни проехать. И Яга-Баба воротилась за топорами, тупицами, и стала пробивать эту гору, и пробила, и стала их догонять. И они бросили кремешок и сказали: «Станьте, леса темные, от земли и до неба, от востока до запада!» И очутились леса темные — от земли и до неба, от востока и до запада, Ягой Бабе ни пройти, ни проехать. И она поворотилась за топорами, за тупицами, и стала леса разгребать, и разгребла, и опять стала догонять их. И они бросили огнивце назад себя, и разлилась река огненна — от земли и до неба, от востока до запада. И Яга-Баба добежала до огненной река и назад отворотилась, больше уж куда? Огненная река не пропустила.

И они в то место, до Марфы крестьянской дочери, добежали и стали там жить-поживать.

И там живут, может — нас переживут.

(Зап. от Е. И. Сидоровой, с. Кузомень, Терский берег Белого моря, в 1961 г. («Одна волосина золота, друга — серебряна, а третья — медиа»))

Сказки Терского берега Белого моря. Изд. подгот. Д. М. Балашов. Л., 1970.